

играл в карты, любил хорошее вино, веселую беседу и хотя жил в Александро-Невской лавре, но пользовался, на особых правах, большою свободой и часто возвращался домой, когда благочестивая братия шла к утренним молитвам. Я с любопытством слушала его рассказы о Китае и часто играла с ним в вист.

Наконец отъезд наш приблизился. Накануне у нас был прощальный вечер, на котором были наши друзья: Крылов, Комовский, Бенедиктов, Кукольник и tutti quanti. За веселым ужином, за тостами, сопровождаемыми искренними пожеланиями, мы простились с нашим петербургским житьем*.

Е. Карлгоф-Драшусова

СРЕДЫ Н. КУКОЛЬНИКА**

Имя Кукольника гремело в журналах и в обществе. Он становился авторитетом, близко сошелся с Брюлловым и Глинкою, и довольно равнодушно смотрел на фалангу своих поклонников, которые уже для него делались бесполезными.

Каждое чтение нового произведения оканчивалось ужином и шампанским. На этих ужинах поэт делал объяснения своим произведениям, из которых между прочим узнали, что *цаца* и *ляля* в «Джулии Мости» — любимые слова его детства, и что он решил внести их в драму, как приятное для него воспоминание. Известно, что Кукольник почти всех своих героев заставлял

* В воспоминаниях Е. Карлгоф имеются материалы о *М.Н. Загоскине* (с. 128—129), *Н.А. Полевом* (140—141), *Бенедиктове* (141—143), *Башиуцком* (144—146), *А.Ф. Воейкове* (147—149). «Русский Вестник», 1881, сентябрь.

** Воспоминания И.И. Панаева. Изд. Academia.

красноречиво пророчествовать и любил сам пророчествовать о себе на дружеских сходках.

Таким образом, разговорясь однажды о литературе и о значении Пушкина, он сказал:

— Пушкин, бесспорно, поэт с огромным талантом, гармония и звучность его стиха удивительны, но он легкомыслен и неглубок. Он не создал ничего значительного, а если мне Бог продлит жизнь, то я создам что-нибудь прочное, серьезное и, может быть, дам другое направление литературе... (Передавая слышанное мною из уст поэта, я ручаюсь, конечно, только за верность мысли, а не за слова и обороты фраз.)

Сближение и короткость Кукольника с Брюлловым и Глинкою, пользовавшимся уже громкою известностью после «Жизни за царя», еще более возвысило Кукольника в глазах его многочисленных поклонников. Они мечтали видеть в этой короткости какой-то разумный союз представителей живописи, музыки и поэзии и полагали, что он может иметь влияние, по крайней мере, на эстетическое развитие нашего общества. Едва ли Кукольник не поддерживал и не распространял эту мысль. В сущности, союз этот не имел и тени чего-нибудь серьезного. Представители трех искусств сходились только для того, чтобы весело проводить время и, разумеется, толковать между прочим о святыне искусства и вообще о высоком и прекрасном. Союз этот поддерживался некоторое время тем, что представители приятно щекотали самолюбие друг друга. Около них, как всегда около авторитетов, образовался небольшой штат угодников, шутов, исполнителей особых поручений и блюдолизов из маленьких талантиков. В числе таковых выдвигались на первом плане бесталанный художник *Япенко*, грубый, наглый циник, который для того только, чтобы хорошо выпить и поесть, готов был пожертвовать всем в угоду кому-

либо из своих патронов, и другой — также бесталан-
ный художник М. с льстивой и рабской натурой, все-
гда притворно-робко входивший в мастерскую Брюл-
лова, взглядывавший на новое произведение его кисти
с лицемерным благоговением, восклицавший — «не-
достоин, недостоин» и выбегавший, закрывая глаза,
как бы ослепленный им. К ним присоединилось не-
сколько маленьких литературных талантиков, отчасти
из тщеславной мысли прослыть друзьями гениальных,
по их мнению, людей, отчасти из того, чтобы вместе с
ними веселиться, пить и есть.

В это время Кукольник вместе со своим братом
Платоном, управлявшим делами Новосильцева, зани-
мал довольно большую квартиру в Фонарном переул-
ке в доме Плюшара. Он завел у себя *середы*. Плюшар,
мотавший тогда деньги, получаемые им с «Энциклопе-
дического лексикона», находился в близких отноше-
ниях к Кукольнику, Сенковскому, Булгарину и Гречу.
Кукольник также сошелся очень близко с последними.

Впоследствии на этих «серодах» (это уже было в на-
чале сороковых годов) собиралось иногда человек до
восьмидесяти. Тут не были уже исключительно люби-
тели искусства и поклонники литературы, художники
и литераторы, а всякого рода весельчаки, военные и
штатские, пожилые и молодые — даже игроки, афери-
сты и спекуляторы. Вся эта разнохарактерная ватага
бестолково толпилась и шумела, бродя из комнаты в
комнату. Хозяин дома кочевал среди этой толпы и ос-
танавливался на минуту перед своими гостями с ка-
ким-нибудь любезным словом. На этих серодах пере-
бывали все пишущие люди, за исключением немногих
писателей-аристократов, принадлежавших к друзьям
Пушкина. Середы эти начались уже после смерти
Пушкина. Одну из важных ролей на этих серодах играл
Булгарин, к которому хозяин дома был очень внимате-

лен. Здесь я увидел в первый раз этого господина. Кукольник познакомил меня с ним, хотя я вовсе не просил его об этом. Короткие отношения Кукольника с Булгариным действовали неприятно на меня и на всех молодых поклонников поэта. Новое пишущее и читающее поколение этого времени все без исключения презирало Булгарина. Тот, кто печатал свои статьи в «Пчеле» или был в коротких сношениях с ее редактором, компрометировал себя в мнении молодежи. Между старым и старевшим поколением Булгарин пользовался еще большею популярностью. Можно сказать утвердительно, что Кукольник поступил нерасчетливо для своей литературной репутации, видимо, склоняясь более на сторону отживавшего поколения и протягивая руку таким людям, как Булгарин.

Вся ватага гостей расходилась обыкновенно около часу; иногда Яненко или кто-нибудь из мелких литераторов, состоявших по особым поручениям при поэте, разными хитростями выживут гостей ранее. По очищении комнат накрывается ужин человек на двадцать самых интимных и продолжается до утра. За этим ужином происходили дружеские и всяческие излияния, выступала на сцену святыня искусства и раздавались вдохновенные и пророческие речи хозяина дома.

На одной из серед Кукольник часов в одиннадцать подошел ко мне, значительно мигнул и шепнул с улыбкою:

— Не уезжай! Когда разбредется вся эта шушера, останутся избранные. Вечера мои, собственно, начинаются тогда, когда они кончаются для них...

Кукольник указал головою на своих гостей.

— До сих пор, — прибавил он, — была только увертюра, опера начнется потом.

Надо заметить, что это происходило после «Роксоланы» и «Скопина-Шуйского», которые имели огром-

ный успех на сцене. Усердие наше к крикам и хлопанию не уставало. К нам присоединилось еще множество офицеров различных полков — новых друзей поэта, с еще более громким голосом, чем у нас.

Хотя я продолжал быть убежден в огромном таланте Кукольника, но меня уже смущали его связи с Булгаринным, Плюшаром и им подобными личностями, которым я не мог сочувствовать, его искание популярности без всякого разбора, ухаживание за людьми чиновными и значительными и еще притом прославление их между приятелями, пиры без конца, повторение тех же громких фраз и пр. Середы эти много способствовали моему разочарованию. Сомнение начало закрадываться в меня относительно признания поэта — благоволение мое к нему чуть-чуть колебалось; я уже иногда начинал посматривать на него как на простого смертного и даже осмеливался замечать иногда его комические стороны.

В таком положении я был к нему, когда он сделал мне честь, которой удостоивались немногие — удержал меня на ужин.

Мне, однако, это было еще очень приятно.

За ужином Кукольника в этот раз было человек пятнадцать: несколько офицеров П*** полка, Яненко, Струговщиков, переводивший Гёте и издававший тогда «Художественную газету», Каменский, интересный молодой человек, явившийся с Кавказа с повестями à la Марлинский и с солдатским Георгием в петлице. Кавказский герой одержал две победы в Петербурге: одну над Краевским, издававшим «Литературные прибавления к «Инвалиду», который, пораженный его талантом, заплатил ему 500 рублей ассигнациями за его первую повесть; другую над дочерью Ф.П. Толстого. Остальных, присутствовавших за этим ужином, я не помню. Ужин отличался не столько съестною, сколько

винною частью. В столовой на одной стене висел портрет Кукольника-поэта, на другой его брата Платона — работы Брюллова, в великолепных рамах. Вино лилось. За шампанским Кукольник встал и, обращаясь в особенности к офицерам, поднимая бокал и протягивая с ним руку к портрету брата, произнес торжественно:

— Преображенцы! за здоровье отсутствующего Платона!

Здоровье управляющего новосильцевским имением было выпито с криками.

Я сидел возле *М.И. Глинки*.

Глинка перед ужином был в дурном расположении духа. Он говорил мало и нехотя, гордо поднимая свою голову, и, заложив руку за жилет, важно прохаживался в толпе, будируя всех своих знакомых. Такие минуты находили на него часто. За ужином он, однако, мало-помалу расходился; говорил мне о своих музыкальных планах, о своем «Руслане», над которым он тогда трудился, о будущем России (это был один из любимых его разговоров), о русском народе. Глинка полагал, что он хорошо знает народ и в случае необходимости будет уметь говорить с ним. При такого рода разговорах он обыкновенно очень одушевлялся: глаза его сверкали, он щипал руку того, с кем говорил, и беспрестанно повторял: «Не правда ли?..» В этот раз он исщипал мою руку до синяков.

Глинка был человек страстный, увлекающийся, настоящий поэт, — и в такие минуты он возбуждал к себе большую симпатию и увлекал многих своими фантазиями и парадоксами, потому что в его увлечениях не было ничего поддельного... надобно было только сидеть от него подальше. Но когда кто-нибудь затрагивал чуть-чуть его самолюбие или ему только казалось это, он становился нестерпимо горд, дулся, поднимал-

ся на ходули и принимал важные и пресмешные позы, вовсе не шедшие к его маленькой фигурке.

Степанов мастерски схватил комические стороны Глинки, Брюллова и Кукольника. Он представил всю жизнь их в очень злых, метких и остроумных карикатурах.

О святыне искусства за ужином Кукольника было мало речи. Он сообщил только нам, что он трудится над эпохой Петра Великого, prepares ряд повестей из этой эпохи, и, кстати, рассказал нам из нее несколько анекдотов.

После ужина все смолкли, потому что Глинка, почувствовав вдохновение, сел к фортепьяно и начал импровизировать. Кукольник стоял у фортепьяно, восклицая по временам: «дивно!» и, обращаясь к офицерам, шептал, прикладывая указательный перст к губам: «Слушайте, слушайте, преображенцы!»

В заключение Глинка пропел свой романс:

В крови горит огонь желанья

страстным, задыхающимся голосом, дико поводя глазами на слушателей.

Потом он повел рукою по лбу и волосам (это он часто делал в минуты волнения), встал со стула, из-за плеча бросил гордый взгляд на всех (кто из знавших Глинку не помнит этого взгляда?), прошелся по комнате, допил свой стакан, подошел ко мне улыбаясь, ущипнул меня и сказал:

— Если б Иван Акимыч воскрес и был здесь, что бы он сказал? — Михаил Иванович заморгал и начал обдергиваться: — «Глинка — новый Орфей, продолжай улаживать слух гармонией... Жизнь коротка... Мудрый, пользуйся жизнью... Добрый хозяин всегда имеет в запасе: бутылку на столе — две под столом... Разумей

об этом тот, кому ведать надлежит»... — Глинка засмеялся.

— Правда, ведь так? — продолжал Глинка смеясь...
Мы разошлись часу в пятом утра*.

И.И. Панаев

ЧЕТВЕРГИ Н.И. ГРЕЧА**

Я бывал в доме Н.И. Греча очень часто по утрам в рабочем его кабинете, а по четвергам на тех вечерних сборищах, известных в ту пору в городе под названием Гречевых четвергов, которые были когда-то очень оживленны и на которых собиралась изрядная часть образованнейшего общества столицы. Эти четверговые сборища начали блекнуть с 1837 года, т. е. со смерти младшего сына Греча, даровитого и прекрасного во всех отношениях семнадцатилетнего юноши Николая Николаевича, студента Петербургского университета, которого я, как почти одногодку, очень, очень любил...

Дом, бывший барона Аша, в котором Греч с семейством прожил более тридцати лет, до продажи его за долги нерасчетливого и мотоватого хозяина, — внутри был расположен, как говорится, семейственно и

* *А.Н. Струговицков* в своих воспоминаниях вносит значительные поправки в характеристику кружка Кукольника, сделанную И.И. Панаевым. См. «Русская Старина», 1874, апрель, с. 702—703. «Мих. Ив. Глинка в 1839—1841 году». См. еще «Записки М.И. Глинки» в «Русской Старине», 1870, № 4—7, 9—11 и в отд. изд. «Воспоминания П.П. Соколова» — в «Историческом Вестнике», 1910, август, с. 403. Воспоминания *М.Ф. Каменской* в «Историческом Вестнике», 1894, сентябрь. *К. Макаров*. Люди старого времени (Художник Яненко) в «Историческом Вестнике», 1894, янв. Воспоминания *И.А. Арсеньева* в «Историческом Вестнике», 1887, т. 27, с. 356.

** «Заря», журнал учено-лит. и политический, изд. В. Кашпиревым. 1871, апр. Из воспоминаний петербургского старожилы *В. Бурнашев*.